

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Басня Эзопа «О лье и волке» в русских переделках XVII в

Басни Эзопа, переведенные на Руси с греческого в начале XVII в. переводчиком Посольского приказа Федором Гозвинским, обрели русскую рукописную традицию в сборниках XVII—XVIII вв. Некоторые из них, получив самостоятельное существование, встречаются в рукописях вне корпуса перевода Гозвинского, включаются в тексты других произведений, подвергаются переделкам.¹ Отрываясь от дидактического корпуса, они теряют правоучительный характер и приобретают социальное значение.

В ряду фабул, получивших самостоятельную жизнь, любопытна история басни о лье, волке и лисице, три переделки которой известны по рукописям XVII—XVIII вв. Басня эта претерпела изменения еще в составе списков перевода Гозвинского. Третья ее редакция приспособляется к русским повествовательным вкусам² — появляются повтор и традиционный мотив послания. Две переделки из трех сохраняют эти элементы, восходя к 3-й редакции басни. Одна из переделок, более лаконичная, ближе к старшим редакциям перевода Гозвинского.

В рукописи XVII в. из Новоспасского собрания эта переделка находится после отрывков из Физиолога. Вот текст переделки:

«О звери лье. Царь всем зверем лев и разболелся. Придоша к нему все звери посети его. Волк же клеветаше на лисицу, поносящи ся за прежния обиды, оманки ея.

В той час приид лисица. Лев же гневно рече лисице: „Где еси была, не пришла семо преже сего?“. Она же рече: „По врачам, господине, ходила и спрашивала о тебе. И рскоша ми врачи: аще еси с живаго волка кожа одрати и воздети на лва, ъ будет здрав, не имать умрети“.

Лев же повеле медведю волка одрати и воздети на ся кожу его. Лисица ж скакаше, смеяся волку, глаголя: „Волче, зри же, лутчи было о себе переговаривати, а не о друге“.

Тако ж творят лицемерни челоvenceы: на друга зло думает, сам в то зло впадает».³

¹ См.: Р. Б. Тарковский. Басня в России XVII—начала XVIII века. — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, М., 1966, № 3, стр. 103; М. А. Салмина. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII века. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 348—349.

² О переводе Гозвинского и его повествовательно-стилистическом приспособлении в последующих редакциях см.: Р. Б. Тарковский. «Притчи или баснословие Эзопа Фриги» в списках XVII—начала XVIII века, Л., 1969.

³ ГИМ, Новоспасское собр., № XVIII, лл. 229 об—230. См.: И. Попов. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, вып. I. Новоспасское собрание. М., 6 г., стр. 111. Копия этого текста мне любезно прислана Л. М. Костюхиной.

В басню вводится новый персонаж — медведь, что сближает ее с русскими сказками о животных; однако сохраняются еще жанровая форма басни и ее традиционная мораль.

В русском сборнике, созданном в 1676 г. в монастыре Саввы Звенигородского, также вместе с притчами типа Физиолога находится вторая переделка басни:

«Слово от вадящих ко князю на друга. Разболелся лютый зверь, и придоша вси зверие земнии. Токмо одна лисица не пришла посетити царя своего. И навади на ю волк, на лисицу, к лютому зверю. И посла по ю царь лютого слугу, да привлечет ю, бия без милости. Хотя волк лисици зло сотворити, а над собою не ведает, что самому будет тогда.

Посла царь по лисицу лютого слугу, и привлекоша ю ко царю, бьюше лисицу без милости. Рече к ней царь лютый зверь: „Ты, лукавая лисица. Все зверие тешючи пришли посетити мене, токмо ты одна не пришла, кого ся иного боишь. А яз вижу ныне на собе люту казнь“. И рече лисица царю: „Господине царю, того ради есми умедляла, рыскала есми по всей земли, ищучи зелия, абы чим тебе, царю, помочи, от болезни тебе избавити, и не обрела есми нигде же. Токмо обретох едину бабу. Того ся доворожила: у жива волка кожу одрати и обвити главу болящего, в тот час будет здрав больный“.

И начаша у живого волка кожу драти, распенши. И волк вопия глаголет: „О горе, братия. Не примолвлийтесь друг на друга князю. Видите на мне лютую казнь, а потом злую смерть“.

Тако ж и тем есть уготовано, кто примолвляет друг на друга ко князю, zde погибнет без наследка, душа его по смерти во аде будет во веки веком, аминь».⁴

Текст носит явные следы монастырской обработки. Царь-лев заменен более абстрактным «лютым зверем», за лисицей посылают «лютого слугу», а не какого-то определенного зверя; заметно и религиозное звучание морали, главное внимание которой обращено на гибель души, уготованную доносчикам. Эти черты, как и стоящие в заглавии «Слово» и заключительное «аминь», сближают вторую переделку с жанром проповеди. В то же время в ней появляется и политический мотив: нельзя «шаводить» «друг на друга ко князю».

Наиболее интересна из всех переделок третья, известная по списку из сборника Ф. И. Буслаева. Сборник этот, подаренный в 1859 г. Ф. И. Буслаеву студентом Московского университета П. Ф. Истриным, замечателен по своему содержанию.⁵ Переделка эзоповской басни окружена в нем произведениями, принадлежащими к жанру русской демократической сатиры, помещена рядом с «Повестью о Ерше Ершовиче», со «Списком с челобитной судье-свинье», с «Росписью о приданом».

Под непосредственным влиянием, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, формы судебного делопроизводства Ерша Ершовича переделка эта получила название: «Список суднаго дела, как тягался волк с лисицею». Ниже приводим ее текст:

⁴ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Еще два сборника старого русского письма в Копенгагенской библиотеке. — Записки имп. Академии наук, т. 24, 1874, № 4, Приложение, стр. 367—368.

⁵ Характеристику сборника см.: И. А. Бычков. Каталог собраний рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. № 92, стр. 291—298; Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 71—72; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, стр. 30—31.

«Бысть в некоторой Палестине у лва заболит голова великою болезнию. Тогда вси зверие стекошася ко лву на посещение. Одна лисица не притекла на болезнь лву, понеже бо лев пишетца царь всем зверям.

И во сто девяностом 7 году, генваря в 21 день бысть у волка с лисицею великая недружба. И нача волк царю своему лву наносити на лисицу, как бы ему недружба своя отомстити. И рече волк: „Пречестнейши зверю царю лве, услыши мою болезнь, — вси звери стекошася, одна лисица не притекла на посещение“. Царь-лев, не зная недружбы волка с лисицею, и повеле лисицу перед себя поставить, и послал пристава косова заеца.

Заец пошел по лисицу и обрете лисицу. Лисица же ему взмолища и дает ему откуп велик. Заец рече: „Милая моя жена лисица, не бойся волка исца, поди ты скажи, бутто ходила за врачами“. И лисица заеца послушала и поиде пред царя своего.

Царь же лев на нее гневен ста. И рече ему лисица пред лицом ево: „Я ходила за врачами, уведав твою великую болезнь“. И рече царь лев к лисице: „Что врачеве сказаша о моей болезни?“. И рече ему лисица с великою лихостию и лукавством: „Врачеве сказаша, что жива волка убить и кожу с него снять и главу твою кожею обвить, и то будет главе твоей здравие“.

И царь-лев убил волька, и сня с него кожу, и главу свою обвил, облечения не бысть. И тако бысть лисица рада, что избьыла недруга своего волка. Конец тетърати сей».

На соседнем листе приписка: «Лисица лукавая зверь».⁶

В «Судном деле» басенные черты утрачиваются, в нем нет сентенции, и это допускает произвольное толкование сюжета. Как видим, в читательском комментарии вместо осуждения волка упрек сделан лисице. Это характерно не для басни с ее четкой определенностью сентенции, а для произведений демократической сатиры, в которых «отношение автора к герою иногда становится двойственным, противоречивым».⁷

Из всех произведений демократической сатиры «Список суднаго дела, как тягался волк с лисицею» ближе всего к «Повести о Ерше Ершовиче». В него включена дата, рассказ ведется в виде суднаго дела, за лисицей посылают пристава зайца, волк назван истцом. Однако этими деталями соприкосновение «Суднаго дела» с судебной практикой и формой делового документа ограничивается, в то время как в «Повести о Ерше Ершовиче» форма и формулы документа воспроизведены несравненно полнее. Возможно, форма делового документа пришла к басне не прямо из деловой практики, а через использование ее в произведениях жанра демократической сатиры. И все-таки сближение еще одного произведения с деловой письменностью не случайно. На протяжении XVII в. идет широкая беллетризация документа, деловая письменность проникает в литературу, создаются произведения в форме делового документа, и, наконец, эта форма отчасти захватывает и исконно беллетристические жанры.

Античная басня, появившись в русской литературе XVII в., была на Руси новым жанром и так или иначе приспособлялась к русским повествовательно-стилистическим традициям. В нашем случае она преобразуется в произведение, близкое к демократической сатире (также новому для русской литературы жанру). Жанровая метаморфоза сюжетов как

⁶ ГПБ, собр. Бусласва, № 92 (О. XVII. 57), лл. 283—286. Список опубликован В. П. Адриановой-Перетц в «Комментариях» к «Повести о Ерше Ершовиче» (Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954, стр. 225).

⁷ Русская демократическая сатира XVII в., стр. 174.

«Судного дела», так и «Повести о Ерше Ершовиче» на этом не останавливается. Оба сюжета известны и в сказке.⁸

Дата, имеющаяся в «Списке судного дела, как тягался волк с лисицею» в том виде, как она написана в рукописи («во сто девяносто МЗ году»), прочитана быть не может. Предположив здесь опisku, предлагаем прочесть ее «во сто девяностом 7-м году», что дает нам 1689 год, известный бурными событиями внутривполитической борьбы, падением правления Софьи и началом самостоятельного царствования Петра I. Приуроченная к этому году, полному политических заговоров и интриг, озаглавленному гибелью крупных политических деятелей, переделка эзоповской басни приобретает особое социальное звучание.

⁸ См.: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 17, № 50; стр. 24, № 254.